

Сюй Цзинцзэ тоже услышала его слова и засобиравалась на выход:

— Брат, мы пойдем, а вы не торопитесь, доедайте.

Компания потянулась к выходу. Ичжу, не прекращая идти, наступила Лу Чаое на ногу и прошипела:

— Убери свои свиные копытца.

Лу Чаое тут же отдернул ногу и перевел тему:

— С чего это ты вдруг под столом мне свои копытца подсовываешь?

Ичжу подумала: Ну ты и остряк.

Вскоре Лу Чаое отложил палочки и спросил:

— Ты знакома с тем парнем, Линь Ле?

Начинается, пришел выведывать информацию о сопернике.

Ичжу, придерживаясь легенды, ответила:

— Конечно. Я с детства за ним хвостиком бегала, только и знала, что звать его братом. Просто когда повзрослели, стали меньше общаться.

Лу Чаое пристально посмотрел на нее и произвел:

— Почему же ты его только что не позвала?

— Мы не особо близки, он не очень-то любит со мной возиться, — бросила Ичжу, а затем нахмурилась и прошептала Лу Чаое: — Как думаешь, Цзинцзэ не услышала, как я сказала, что в нашей семье Цзян одни никчемности?

Если услышала, будет чертовски неловко.

— Нет, ты пойми, я не имела в виду ее, — Ичжу заметила холодный взгляд Лу Чаое и испугалась, что он подумает, будто она оскорбляет главную героиню, поэтому поспешила оправдаться.

— Я понял. Ты имела в виду, что никчемность — это ты, — многозначительно ответил Лу Чаое.

Ну вот, опять этот его паршивый характер.

— Если уж на то пошло, ей, скорее всего, любопытнее, почему я могу сидеть с тобой за одним столом и не перевернуть его, — сменила тему Ичжу.

Лу Чаоэ поднял взгляд, и в его глазах читалось то же самое многозначительное выражение.

— Ей не любопытно. Когда ты пошла петь ей песню на день рождения, она сидела за тем столиком на повороте.

Ичжу: ...Черт.

Неудивительно, что у нее был такой взгляд. Она что, радар в глаза встроила, раз так точно определила?

Увидев неподалеку человека, вернувшегося после маникюра, Ичжу на мгновение позавидовала и даже хотела было записаться в очередь через планшет, но, увидев, что в списке больше десяти человек, тут же отказалась от этой затеи.

Лу Чаоэ бросил взгляд и сразу все понял.

Ичжу не умела строить предубеждений. В ее голове все делилось лишь на две категории: интересное и скучное, без оглядки на пол, возраст, время или пространство. Маникюр тоже попал в список того, что ей хотелось попробовать.

Однако Ичжу быстро остыла и тут же нашла себе новое развлечение. Она сказала Лу Чаоэ:

— Давай на обратном пути пройдемся по проспекту Чуньсюань, через мост Лусянь. Там рядом с мостом есть улочка, где дядя с тетей продают мандарины.

Вдоль моста Лусянь тянулся ночной рынок. Некоторые закусочные открывались только к полуночи, и там всегда полно молодежи, которая приходит выпить или погулять. Это самое шумное место в окрестностях университета Биньда.

Лу Чаоэ молчал, глядя надвигающиеся губы Ичжу. На самом деле он ждал, чтобы понять, что именно она задумала.

Не дождавшись ответа, Ичжу продолжила:

— Пусть это и крюк, но если прогуляться вдоль реки, там звезды очень яркие.

Закончив фразу, Лу Чаоэ вычленил из нее самую вероятную цель:

— Ты просто хочешь мандаринов, да?

Ичжу хихикнула и упрямо возразила:

— Вообще-то нет.

(На самом деле — не только их).

Лу Чаое опустил глаза. В его общежитии был комендантский час в двенадцать, но, видя, как Ичжу воодушевлена, он не стал отказывать прямо, а лишь с улыбкой покачал головой, позволяя ей и дальше уговаривать и склонять его на свою сторону.

Ичжу еще несколько минут расписывала прелести прогулки, пока он наконец не сдался:

— Хорошо, пойдем смотреть на звезды.

В итоге небо над проспектом Чуньсюань в ту ночь было беззвездным, зато луна светила как нельзя кстати.

И вот сцена, залитая лунным светом:

Студент в бежевом тренче, с сумкой-тоут через плечо, присел на корточки перед корзинами с фруктами и выбирает мандарины. Его ясное лицо, озаренное луной, казалось еще спокойнее и мягче, а спутник в черном тренче стоял рядом и, опустив глаза, указывал, какой плод взять.

Конечно, в черном тренче была Ичжу.

Увидев, что хозяин, дядя Цзинь, собирается выйти из лавки, Ичжу начала командовать Лу Чаое:

— Выбирай ты, а то если дядя Цзинь увидит меня, опять начнет отнекиваться и не возьмет денег.

Сказано было так, будто до этого не она указывала, какой мандарин брать.

Лу Чаое не стал спорить. Он присел и начал копаться в своей сумке, доставая очки в тонкой оправе. Он редко их носил.

Наблюдая за ним, Ичжу вспомнила, что перед ужином, когда они занимались, он тоже был в очках, но тогда он сидел к ней спиной, и она не обратила особого внимания.

Сейчас все их вещи для учебы лежали в сумке Лу Чаое.

Надо же, даже выбирая мандарины, он оставался таким педантичным. Но, придерживаясь принципа не сбивать его энтузиазм, Ичжу похвалила:

— Хорошо, хорошо, заслужил награду, обязательно заслужил.

Уголки губ Лу Чаое поползли вверх:

— Еще и денег не возьмет? Ты здесь настолько популярна? Часто сюда заходишь?

Да не то слово. Ичжу даже ходила на площадь рядом с мостом Лусянь, где дядя Цзинь танцевал под музыку, но постоянно делал ошибки, за что его ругала жена. Ичжу часто поправляла его движения, и теперь эта пара даже снимала короткие видео.

— Дядя Цзинь и тетя Цзинь приехали в Биньчэн на заработки. Еле-еле концы с концами сводят...

— Присядь, когда говоришь, — Лу Чао потянул ее за край тренча, не переставая выбирать мандарины.

Ичжу не могла оставить историю недосказанной. Увидев, что Лу Чао интересно, она поспешно присела рядом:

— Моя танцевальная студия здесь недалеко. Часто спускаюсь погулять в перерыве. Они обожают танцы на площади, и я, как только выдается возможность, учу их. Они такая дружная пара! У них нет детей, но это не мешает им любить друг друга. В те времена, когда мне не на что было поесть, они вечерами специально накладывали мне порцию и настаивали, чтобы я поужинала с ними. А недавно я слишком увлеклась похудением, и у меня случился сильный приступ гипогликемии. Тетя Цзинь так испугалась, что каждый день присылала мне статьи о том, как бороться с сахаром, и даже покупала мне конфеты.

Когда Ичжу только попала сюда, у прежней владелицы было всего 250 юаней — едва хватало на хлеб, чтобы не умереть с голоду. Потом она выставила вещи на продажу, но люди лишь задавали глупые вопросы, не веря, что товар настоящий. К тому же ей нужно было время на тренировки: даже закрывая глаза, она видела танцевальные связки и слышала тексты песен. На подработку времени не оставалось.

Лу Чао вдруг вспомнил, как на баскетбольной площадке он случайно сбил Ичжу с ног. Она была пугающе бледной, но все равно настояла, чтобы он помог ей подняться. Оказывается, дело было не в гордости — она действительно не могла встать. И на площадке для настольного тенниса: после тренировки она всегда отдыхала, закидывая в рот конфеты. Раньше он думал, что она просто сладкоежка.

Цзян Шибо был жесток. Вырастив такое драгоценное дитя, он не побоялся оставить ее голодать. Может, не совсем на произвол судьбы, но по сравнению с мягкосердечными стариками, он обошелся с единственной наследницей весьма сурово.

Ичжу, уже не скрывавшая своего положения, говорила быстро и четко, не обращая внимания на то, что Лу Чао долго молчал, о чем-то размышляя.

Сколько времени нужно, чтобы выбрать мандарины? Лу Чао давно перестал выбирать и теперь смотрел на ее губы. Внезапно он позвал:

— Цзян Ичжу.

— М? — Ичжу, витавшая в облаках, словно вернулась в реальность.

Она сидела на корточках, не особо заботясь о позе, и длинный тренч чуть не волочился по земле.

Лу Чао все это время слушал ее, а теперь, не привлекая внимания, аккуратно подобрал полы ее плаща, чтобы они не испачкались в пыли.

Он не договорил, но про себя подумал:

Цзян Ичжу, какая же ты бестолковая.

<http://bllate.org/book/20222/2013259>